

ИССЛЕДУЯ ЦЕРКОВНУЮ ОБЩИНУ В МАЛОМ ГОРОДЕ: РОЛЬ СВЯЩЕННИКА И ДРУГИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ОБЩИННОСТИ

Полина Врублевская

Полина Врублевская – научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Адрес для переписки: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, ул. Новокузнецкая, 23Б, Москва, 115184, Россия. pvrublevskaya@gmail.com.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Локальное сообщество в малом городе: основания для объединения»), проект № 14-33-01339 при поддержке Научного фонда НИУ ВШЭ.

Настоящая статья посвящена рассмотрению повседневной жизни одной приходской церкви в малом городе России. Отталкиваясь от критического анализа существующих подходов к изучению религиозности, автор пытается обнаружить составляющие «общинного» измерения религиозности, действующие применительно к православию в России сегодня. В тексте прослеживается история приходской церкви, начиная с ее восстановления; подробно проанализированы различные взаимодействия православных прихожан и этапы развития их взаимоотношений, а также их отношений со священниками. Основываясь на этнографических данных и материалах интервью, автор выявляет индикаторы для определения сущности приходской жизни и принадлежности человека к церковной (православной) общине. Основной вывод заключается в том, что церковная община формируется из продолжительных и постоянных взаимодействий прихожан, не ограничивающихся религиозными практиками, но иницируемых, что важно, священнослужителями. Фигура священника, таким образом, должна занимать ключевую позицию в изучении православной общинности. В статье приводятся пути включения этих аспектов в дальнейшие исследования православия и православной религиозности.

Ключевые слова: религиозность; православие; церковь; приходская жизнь; священник; религиозная община

Согласно устоявшейся в социологии традиции, религиозность мыслится как многомерная характеристика. Чаще всего ее измеряют¹ по четырем осям – убеждений, знаний, практик и опыта, применяя соответствующие наборы индикаторов. Впервые

¹ Например, в исследованиях: Religionsmonitor; European Values Survey; World Values Survey; International Social Survey Programme.

эти оси были предложены Чарльзом Глоком (Glock 1959), разработки которого легли в основу концепций многомерной религиозности (Алексеева 2009; Пруцкова 2010; Бреская 2011; Тупахина 2012; Fukuyama 1961; Lenski 1961; Faulkner and De Jong 1966; Glock and Stark 1968; Glock and Bellah 1976; Roberts 2003; Chaves 2004). Позднее, в совместной с Родни Старком работе, Глок предлагает учитывать «общинное измерение» (*communal dimension*) религиозности (Glock and Stark 1965, 1968), подразумевая под ним степень вовлеченности человека в отношения с единоверцами. Несмотря на то, что общинное измерение в целом не получает должного внимания со стороны исследователей религиозности², мне оно кажется перспективным для раскрытия ее *социальной сущности*. Чем же по своей сути является религия сегодня?

Задавшись этим вопросом, я решила предпринять исследование³ в нетривиальном для социологии религии (особенно отечественной) ракурсе – а именно, рассмотреть религиозность через призму взаимоотношений между единоверцами. На мой взгляд, без учета этой перспективы религиозность тут же сводится к номинальным (самоидентификация) или же количественным признакам (например, частоте посещения храма, частоте участия в религиозных практиках и т.д.). Ни те, ни другие не предоставляют доступа к религиозному опыту отдельного человека в его повседневной жизни. Обращение к «общинности» как религиозности под особым углом зрения, напротив, позволяет расширить и детализировать представление о том, чем является религия в повседневной действительности людей.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В своем исследовании я попыталась эмпирически определить степень религиозности православных через индикаторы «общинного измерения» Глока и Старка. Высокую степень вовлеченности в отношения с единоверцами (или принадлежность к религиозной общине) авторы предлагают фиксировать через: 1) наличие в среде единоверцев близких друзей (и их число) и 2) активность в религиозных организациях (Пруцкова 2012:277). Так, концептуализация Глока и Старка позволяет представить континуум от минимальной вовлеченности во взаимоотношения с единоверцами (так называемой религиозной аудитории) до религиозной общины, характеризующейся тесными взаимоотношениями (Glock and Stark 1968:165).

Смещение фокуса с повсеместно принятых измерений религиозности на «общинное» фактически означает переход от характеристик индивидуального уровня на уровень коллективный. Вполне закономерно, что рассмотрение коллективных характеристик блокируется всегда, когда основной единицей исследования

² Последователи Глока и Старка используют индикаторы, отсылающие к общинному измерению религиозности чаще как дополнительные, а не формирующие самостоятельную ось. Среди таких индикаторов можно назвать «чувство принадлежности к религиозной общине/к церкви», «идентификацию с церковью», «принадлежность к общине», «членство в церкви» (Бреская 2011:78, 84).

³ Исследование проведено в августе 2014 года в малом городе Каргополь Архангельской области в рамках ежегодной Летней социологической практики ЛЭСИ, НИУ ВШЭ (<http://www.hse.ru/org/hse/letopraktika/>).

выступает индивид (Пруцкова 2010:4). Так, объектом настоящего исследования выступает православная приходская церковь, а предметом становятся *отношения* между людьми, объединенными этой церковью. Общая цель исследования заключается в прояснении характера этих отношений; в выявлении характеристик православных прихожан как коллектива.

Достижение поставленной цели требует определения элементов, конституирующих взаимоотношения между людьми в приходской церкви. Именно так нам удастся представить православную общину как *особое* – по конституирующим ее элементам – сообщество, характеризующееся тесными взаимоотношениями единомыслителей. Лучший подход для решения этих задач, на мой взгляд, – этнографический, с двумя ключевыми составляющими: включенным наблюдением и насыщенным описанием. Прежде всего потому, что выбор этнографического подхода означает погружение в повседневную жизнь изучаемой общности и в данном случае подразумевает детальное рассмотрение происходящего в конкретной церкви: того, как разворачиваются отношения между прихожанами в событийном потоке повседневной жизни.

Доступ к исследовательскому полю мне обеспечил настоятель храма⁴. В течение десяти дней⁵ я многократно присутствовала на прицерковной территории и в храме, в том числе во время богослужений; бывала в комнате для чаепитий, в классе воскресной школы; один раз лично помогала в храме⁶. Наблюдения проходили в основном в церкви (в помещении для богослужений) и на прилегающей территории. Мое внимание было направлено на совместные действия прихожан и на их акты коммуникации. Я фиксировала то, какие люди задерживались после литургии, чем они занимались, с кем общались, насколько продолжительным было это общение (при этом я старалась учитывать невербальную составляющую взаимодействий).

Кроме того, я провела глубинные интервью с двумя священнослужителями, четырьмя работниками церкви и шестью прихожанами. Об интервью я договаривалась напрямую, обращаясь к людям в храме; с некоторыми информантами меня познакомил настоятель. Как правило, беседы проходили в церкви, а в ожидании их я проводила наблюдения. В среднем длительность интервью составляла около часа, содержание бесед часто выходило за рамки обсуждения тем, непосредственно относящихся к религиозной жизни человека⁷. Остановимся на темах интер-

⁴ Я благодарю Ивана Павлюткина за помощь в знакомстве и взаимодействии с настоятелем. Из соображений этики и для сохранения конфиденциальности информантов название приходского храма в тексте не приводится.

⁵ Краткий период пребывания в поле был обусловлен форматом исследовательской экспедиции, в рамках которой проводилось исследование. Я признаю недостаточное «погружение в повседневную жизнь изучаемой общности» и все вытекающие из этих обстоятельств ограничения моих наблюдений и выводов.

⁶ По просьбе старосты храма я носила воду с колонки, расположенной во дворах за пределами прицерковной территории, для полива клумб.

⁷ Это связано с тем, что гайд интервью выстраивался в соответствии с более масштабным проектом, в который я была вовлечена: «Жизнь в долг: социальное значение долговых практик в жизни сообществ в России», грант ПСТГУ. Официальная страница проекта – <http://socrel.pstgu.ru/grants/debt2014>.

вью, которые оказались релевантными для решения проблем, поставленных в настоящем исследовании.

Прежде всего, я обсуждала с интервьюируемыми церковные практики и в целом тему воцерковления. В этом я исходила из концепции православной религиозности, разработанной Валентиной Чесноковой (2005). Для измерения религиозности Чеснокова предлагает построение *индекса воцерковленности* (В-индекса), в основу которого помещает действия, свойственные религиозному, а именно православному человеку. К таким действиям она относит религиозные практики, в своей целокупности конституирующие понятие воцерковленности. В-индекс предусматривает несколько градаций воцерковления – от нулевой до максимальной. Градация определяется по заявленной человеком регулярности таких религиозных практик, как посещение храма, причащение, чтение текстов Священного Писания, молитва и пост.

Чеснокова уравнивает высшую градацию православной религиозности с воцерковленностью, однако я сознательно отказываюсь от такого отождествления, поскольку разделяю критическую точку зрения относительно допущений, лежащих в основе В-индекса⁸. Дело в том, что модель воцерковленности по Чесноковой предполагает прямую связь между регулярностью определенного набора действий и образом мышления человека. Исходя из частоты участия в религиозных практиках, автор В-индекса делает вывод о трансформации системы представлений человека в направлении сближения с религиозными. На мой взгляд, и здесь я соглашаюсь с Мариной Алексеевой (2009), такие допущения требуют как минимум сильного теоретического аргумента, а также эмпирических подтверждений, которые Чеснокова не видит необходимости предоставлять.

Кроме того, я не ставлю задачи охарактеризовать опрошенных с точки зрения их соответствия представлению о «православности» через воцерковленность и стараюсь рассмотреть православных прихожан прежде всего через призму их *взаимоотношений* друг с другом. Тем не менее вопросы о религиозных практиках из опросника для построения В-индекса оказались полезными, прежде всего, для развития тем о церкви, приходской жизни и прочем в интервью. Кроме того, внимание к религиозным практикам позволило мне сопоставить между собой разные измерения религиозности, введенные Глоком и Старком: когнитивное – с практическим, измерение опыта – с когнитивным и т.д. Такое сопоставление оказалось бесполезным для понимания того, как именно индикаторы воцерковленности сочетаются со степенью включенности человека в приходскую жизнь и в отношения с другими прихожанами.

В рамках своего исследования я спрашивала о регулярности посещения храма и частоте причащения, не ограничивая информантов вариантами ответов, как это делалось в опросе для построения В-индекса. Это позволило понять смысловое наполнение этих церковных практик в представлениях интервьюи-

⁸ В настоящем тексте я не могу уделить достаточно внимания этой критике, подробнее о ней см. в: Алексеева (2009).

руемых. Особенно важной оказалась тема священничества (подробнее об этом в следующем разделе) и – более конкретно – духовного наставничества. В первых беседах с мирянами она возникала без моей инициативы, а в последующих интервью ее развитию способствовали вопросы о наличии духовника и просьбы рассказать о взаимодействиях с ним. Например, предлагалось рассказать о том, что происходит в их приходской церкви: есть ли воскресная школа, проводятся ли образовательные беседы о таинствах, собирают ли средства и вещи для нуждающихся и т.п.? Обычно информанты охотно развивают эту тему сами, рассказывая о деятельности священников и прихожан, а также о своей активности в церкви.

Далее, чтобы поместить взаимоотношения с единоверцами в более широкий контекст социальных связей конкретного человека, определить значимость контактов в православной среде для него самого, а также раскрыть подробнее восприятие дружбы (как одного из индикаторов принадлежности к религиозной общине по Глоку и Старку), я обсуждала с прихожанами такую тему, как круг общения. Здесь я старалась актуализировать две подтемы. Прежде всего через корпус вопросов о том, с кем и как человек общается в своей повседневной жизни. Для меня было важно установить, насколько интервьюируемый вообще склонен к тесным взаимоотношениям, особенно вне родственных связей. Помимо частоты взаимодействий я пыталась определить и их формат: человек встречается с кем-то в определенных местах по необходимости или по стечению обстоятельств? Или же регулярно созванивается? Или часто ходит в гости и приглашает к себе домой? Так же прицельно я задавала вопросы о том, может ли человек положиться на кого-то в критических ситуациях, попросить денег в займы. Иными словами, цель этих вопросов состояла в том, чтобы оценить размер круга общения (узкий – широкий) информанта в целом, а не только в рамках общины, и качество взаимоотношений (слабые – крепкие), в которых он/она состоит.

Непосредственно для раскрытия сущности взаимоотношений в приходской церкви необходимо было прояснить, насколько тесно человек общается с прихожанами. Скольких в приходской церкви он/она знает лично (по имени; знает их место жительства, род деятельности, знаком с какими-либо семейными обстоятельствами и т.п.)? Как происходят такие знакомства? Что связывает человека с его единоверцами – каковы их точки пересечения и взаимодействия? Можно ли сказать, что именно православные (и именно знакомые прихожане) в основном составляют его/ее круг общения?

Для того чтобы понять, как складываются отношения в приходской церкви, я задавала наводящие вопросы о взаимодействиях с прихожанами и священнослужителями, а также просила привести примеры совместных действий, общих событий, организации каких-либо мероприятий. Таким образом я пыталась выявить, насколько пригоден для православных такой индикатор общинной религиозности, как активность в религиозных организациях. Я подталкивала интервьюируемого к рассказу о том, насколько важно для него/нее принимать участие в приходской жизни, и в чем он/она видит свое участие, как оценивает его относительно активности других прихожан.

МНОГООБРАЗИЕ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ И СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ОБЩИНЫ: ПРИМЕР ОДНОГО ПРИХОДА В МАЛОМ ГОРОДЕ

Прежде всего необходимо в общих чертах рассказать о приходе, где был реализован мой исследовательский проект.

За десять лет жизни прихода здесь сменился настоятель. Первый настоятель, отец Василий⁹, не только самостоятельно восстановил полуразрушенный храм, но и заложил основу организации приходской жизни и сплотил вокруг нее людей, которые составляют «костяк общины» до сих пор. Спустя шесть лет о. Василия перевели в сельскую приходскую церковь Архангельской области. Ему на смену менее четырех лет назад поступил о. Александр, с которым у прихожан складываются хорошие и даже дружественные отношения. Они ходят друг к другу в гости, общаются семьями и оставляют под присмотром в семье священника своих детей (или наоборот – за детьми о. Александра может присмотреть кто-то из прихожан, с которыми у него близкие отношения). Год назад в церкви появился еще один священнослужитель – о. Максим. Он в большей степени (нежели о. Александр и, вероятно, ранее о. Василий) занимается социальными вопросами прихожан и всех тех, кто обращается к нему за помощью. По его инициативе была заведена тетрадь «Пристань добрых дел», в которую все нуждающиеся вписывают, что им необходимо (помощь, одежда, предметы быта), а дежурные по храму стараются следить за этой книгой и посредничать в удовлетворении просьб¹⁰. Кроме того, о. Максим организовал мужской хор (двое из опрошенных входят в его состав). Священник много времени проводит в воскресной школе, готовит уроки с презентациями для детей по литературе и искусству, что способствует поддержанию хороших отношений не только с детьми, но и с их родителями. Как ранее о. Василий, он организует крестные ходы, паломничества, а кроме того и совместные неформальные (нецерковные) выезды: пикники, походы, сплавы на байдарках.

Всю приходскую жизнь формируют три вида взаимодействия. Прежде всего, это поддержание организационного порядка в церкви, установленного еще первым настоятелем. Именно он сделал поддержание порядка персональными обязанностями прихожан. О своей вовлеченности в поддержание порядка в церкви информанты говорят в понятиях наставления и наказа: «тут – это помоги, тут – то помоги»; «меня заставляли пол здесь вытирать...»; «меня позвали сюда в лавочку работать, а разве отцу Василию можно перечить?». Две прихожанки, активно участвующие в восстановлении храма с самого начала, свои обязанности называют *послушаниями*. Одну из них выбрали старостой уже при новом настоятеле. Однако староста дежурит в свечной лавке по воскресеньям еще по наставлению о. Васи-

⁹ Все имена изменены.

¹⁰ Важно заметить, что сам о. Максим и его жена занимаются привлечением финансовых средств, а также другой материальной помощи со стороны для удовлетворения потребностей прихожан – через сети своих контактов за пределами прихода и через интернет.

лия¹¹, а другая прихожанка по его же наказу в течение нескольких последних лет регулярно на личные средства печет просфоры для всех приходов, которые окормляет¹² настоятель (теперь – новый, о. Александр). Однако, даже не имея четко закрепленных обязанностей, другие прихожане также уделяют время поддержанию порядка в храме:

Скажем так, если ты не поможешь, то и другой так же подумает. Какая работа есть – кто-то что-то делает. Вот есть у меня свободное время – надо до конца добить окна: покрасить их, чтобы они были, а то погода плохая начнется... Каждый что-то делает все равно. Ну да, помощь. Если не деньгами [помочь – *прим. авт.*], так своей работой, ну усилия какие-то свои (Прихожанка, 35 лет).

Вторым видом взаимодействий, конституирующих приходскую жизнь, является социальная деятельность прихода: все предлагаемые услуги и удовлетворяемые потребности. Участие в социальной деятельности не носит обязательный характер, как в случае с поддержанием порядка в храме. В социальную деятельность прихожане включаются по собственному желанию и в соответствии со своими возможностями/потребностями. К этой активности относятся сборы денежных средств на нужды храма и прочие потребности: например, во время моего пребывания в городе собирали средства для ремонта протечек в крыше; в этот же период был объявлен сбор гуманитарной помощи для беженцев из Украины. Кроме того, к социальной деятельности при церкви относятся образовательные услуги воскресной школы, в эту работу вовлечены (по просьбе священнослужителей или по собственной инициативе) прихожане с педагогическим образованием.

Наконец, выше упоминалась церковная тетрадь «Пристань добрых дел», которая служит механизмом запуска отношений взаимопомощи и дарообмена между прихожанами. В тетради содержатся просьбы совершенно разного характера: помочь прополоть грядки или починить бытовую технику; кто-то сообщает о проблемах с одеждой для детей, о готовности за небольшие деньги приобрести пианино для музыкальных занятий ребенка и т.п. Реакции на такие просьбы могут выражаться в различных действиях со стороны других прихожан. Так, кто-то может предложить свою физическую помощь (перевезти, настроить пианино), а кто-то преподнести в качестве подарка необходимый просящему предмет (например, то же пианино). В результате проблемные ситуации не только разрешаются внутри прихода, но и закладывают основу личных взаимоотношений прихожан через взаимопомощь и дарение. Важно подчеркнуть, что благодарностью на отзывчивость прихожан, как правило, служит ответный подарок или ответная помощь¹³:

¹¹ Кроме того, в ее обязанности входит каждое воскресенье привозить на службу двух инвалидов (пожилую женщину, передвигающуюся на коляске, и женщину, больную ДЦП), еженедельно навещать людей в доме престарелых и инвалидов: читать им Евангелие, рассказывать о церковных праздниках.

¹² Окормление – пастырское попечение о спасении, заключающееся в духовном наставничестве и молитве.

¹³ Подробнее о дарообмене в приходской среде см.: Врублевская (в печати).

Но, конечно, исходя из человеческого благоразумия, если у человека взял помощь, то стараешься отдать. Такое, да, практикуется. Тем более что люди, если есть возможность, стараются помогать. Я знаю, допустим, если женщина живет одна, то есть нет мужских рук, и надо что-то сделать, то она знает, что есть на приходе такой человек: она может позвонить. Есть много людей, которые откликнутся (Настоятель о. Александр).

Рис. 1. Тетрадь для записи просьб и потребностей прихожан «Пристань добрых дел», основное помещение храма.

Третий вид взаимодействий внутри прихода меньше всего связан с самой церковью – это всевозможные неформальные взаимодействия единоверцев. Ключевую роль в развитии этой стороны приходской жизни занимает священник, о. Максим. Именно по его инициативе случаются неформальные встречи прихожан, организуется совместный досуг: «...чтобы детей привести к церкви, хорошо бы с ними сначала хоть бы на пикник [съездить – прим. авт.], поедем сосиски жарить, в футбол играть и рисовать на пленэр. И там есть возможность поговорить о чем-то серьезном, у них есть возможность в нормальной обстановке со священником о чем-то поговорить...» (о. Максим).

Следует сказать, что благодаря о. Максиму прихожане знакомятся друг с другом и завязывают личные отношения, выходящие за рамки участия в совместных религиозных практиках в церкви. Настоятель о. Александр тоже способствует укреплению взаимоотношений между прихожанами, будучи сам открыт для не-

формального общения. Приглашая к себе в дом несколько семей прихожан, он дает гостям возможность почувствовать свою общность и в дальнейшем развивать более тесные отношения.

Очевидно, что все три стороны приходской жизни – разнообразные взаимодействия внутри прихода – переплетены между собой. В рассматриваемом случае это подтверждается тем, что, как отмечает о. Максим, в церковь ходит мало людей, но среди них нет «захожан». Это означает, что все те, кто церковь посещают, вовлечены и в приходскую жизнь – в поддержание порядка, социальную деятельность внутри церкви и неформальные взаимодействия. Кроме того, ввиду малого количества прихожан все они, так или иначе, знают друг друга лично. Это приводит к размыванию границ между разными видами взаимодействий в представлениях мирян и священнослужителей. Например, после воскресной школы преподаватели, дежурные по храму, прихожане с детьми и священники устраивают совместные чаепития. Получается, что образовательная деятельность церкви перетекает в «чистое», неформальное общение и, следовательно, обретает доверительную межличностную тональность. О. Максим подчеркивает важность совмещения религиозных практик и внебогослужебных взаимодействий при церкви следующим образом: «Знаете, как есть ядро, а есть мякоть питательная любого плода. Ядро – это, конечно, евхаристия, литургия (мы все вокруг чаши собраны); это, безусловно, самое главное. Но вот эта мякоть, некое такое внелитургическое общение, я считаю, тоже... оно необходимо, обязательно» (о. Максим).

Рассмотрим теперь, как многообразие приходской жизни привело к становлению церковной общины. Выше уже упоминалось, что «костяк общины» в исследуемой приходской церкви составляют «старожилы», участвующие в жизни прихода со времен восстановительных работ в нем. Именно эти люди сегодня состоят в самых продолжительных и крепких взаимоотношениях и с большей охотой отзываются на предложения провести досуг в кругу единомышленников. Можно сказать, что их совместная деятельность при церкви переросла в дружеские отношения, которые теперь ложатся в основание их мотивации продолжать свою активность. Именно ощущение того, что старожилы делают *общее дело*, на мой взгляд, удерживает установленный еще о. Василием порядок обязательств по поддержанию порядка внутри церкви. Этим знаменуется первый виток развития приходской жизни.

Позднее приходящие в церковь люди уже не были связаны с приходом (и с настоятелем) обязательствами, однако они вошли в доверительные отношения с новым настоятелем, менее строгим и более открытым для неформальных взаимодействий. Можно сказать, что второй виток развития приходской жизни связан с налаживанием межличностных отношений между прихожанами и настоятелем. Так, через личную привязанность к священнику и его семье, уже на следующем этапе прихожане включились и в социальную деятельность церкви, которую активно стал развивать недавно прибывший на службу о. Максим. Будучи с самого начала объединены «общим делом», и, затем, личными взаимоотношениями с настоятелем, прихожане храма оказались готовы к развитию приходской жизни в новом ключе социальной деятельности:

Как-то вот, понимаете, благодаря даже отцу Максиму начинаешь понимать такие вещи, что все равно надо как бы объединяться, вот, чтобы люди не так, вот, обособленно жили. Все равно как-то нужно дружить, вообще, вот, помогать друг другу, а не так, что, вот, у себя там сделал все хорошо и сидишь довольный. Вот к этому приходишь... (Прихожанка, 40 лет).

История церковной общины представляется эволюцией совместных действий и отношений как между прихожанами, так и между прихожанами и священниками.

Не исключено, что этапы развития взаимоотношений могли бы следовать в другом порядке, но так или иначе становление сплоченной общины требует времени. Кроме того, не исключено, что взаимодействия прихожан, укрепляющие их взаимоотношения, могут не вписываться в обозначенные нами стороны приходской жизни. В этом смысле приведенное описание приходской жизни при православной церкви не претендует на универсальность. Скорее, наоборот, призывает быть чувствительными к каждому конкретному случаю.

На положение дел в исследуемом случае оказывает влияние и особый социальный контекст малого города. Во-первых, прихожане в большинстве своем живут относительно недалеко друг от друга и от церкви. Близость проживания благоприятствует более частому присутствию в церкви помимо богослужений. Кроме того, она упрощает встречи прихожан друг с другом – им не требуется много времени, чтобы попасть в назначенное место. Их близкое или более дальнее *sociedad* становится еще одним мотивационным основанием для вовлечения во взаимодействия друг с другом.

Другая особенность малого города, оказывающая влияние на приходскую жизнь, заключена в отсутствии альтернативных видов досуга. Прицерковная деятельность на общем фоне умеренной, даже вялой, общественной жизни города может быть привлекательным способом провести свободное время. Имея возможность задержаться после литургии или занятий в воскресной школе, люди с большим удовольствием устроят чаепитие, нежели разойдутся по домам.

На том, как развиваются взаимоотношения прихожан в контексте малого города, сказываются также низкий уровень доходов и, в целом, социальная незащищенность людей. К примеру, в единственной больнице города нет многих специалистов, и, следовательно, необходимость в медицинском обслуживании часто становится насущной проблемой горожан. В ситуации, когда нужно получить медицинскую помощь или срочно добраться до «большой земли» по какой-то иной причине, еще более серьезные затруднения испытывают люди, не имеющие личного автотранспорта. Даже выехать из города не всегда можно – зимой и ранней весной дороги непроходимы. Все эти общие трудности – финансовые или социальные – провоцируют кооперацию и способствуют установлению отношений, основанных на взаимопомощи. Церковный приход в этом контексте, прежде всего, усиливает склонность к взаимопомощи ввиду личного знакомства и разделяемой значимости религиозных представлений, а также является *местом*, где необходимость в помощи и готовность ее оказать могут быть актуализированы.

Возможно, именно трудности, с которыми сталкивается община, делают ее более сплоченной, однако одновременно с этим малое число прихожан и отсутствие существенной финансовой поддержки со стороны каких-либо организаций или спонсоров снижает потенциальные возможности приходской общины. Учитывая особенности текущего периода развития приходской жизни (усилившееся значение удовлетворения социальных и бытовых потребностей внутри церкви), я старалась спрашивать информантов о том, помогают ли друг другу прихожане: кому, как именно и как часто. По сложившейся на момент проведения исследования ситуации рассматриваемая приходская церковь еще далека от того, чтобы удовлетворять широкий спектр потребностей своих прихожан, и сами они только начинают принимать совместные решения и предпринимать что-либо коллективно. Вряд ли сейчас можно говорить о том, что члены общины способны разрешить трудности, касающиеся кого-то из них или прихода в целом.

Прежде чем перейти к заключению, остановимся на связи общинной религиозности с другими измерениями. В предыдущем разделе я указала, что вопросы о церковных практиках и воцерковленности позволили сопоставить практическое, опытное, когнитивное и, отчасти, идеологическое (убеждения) измерения религиозности – с общинным. Решающее значение для «передвижения» в континууме от религиозной аудитории к религиозной общине, судя по собранным эмпирическим данным, играет продолжительность и (необязательно) насыщенность религиозного опыта человека. Имеется в виду, что не столь важно, насколько регулярно человек причащается или участвует в литургии, – частота этих практик меняется время от времени в течение годового цикла¹⁴. Однако, чем больше лет человек «находится в церкви», тем больше привязан он и к другим прихожанам, и, как уже показано выше, тем охотнее участвует в приходской жизни:

Раньше чаще причащался, раз в месяц, даже раз в две недели было. В последнее время – хорошо, если раз в два месяца, но зимой чаще – там времени больше получается. Я себя оправдываю тем, что и в церковь хожу, и хор, и дела церковные, присущие церкви, и этого хватает для меня – делать что-то, осознавать. Но такой вывод я тоже сделал – это не пустые слова, когда человек в этом постоянно находится – чем чаще, тем лучше, то человек считает себя частью церкви, и задумывается обо всем, где он находится: в церкви, в вере и т.д. (Прихожанин, 47 лет).

По материалам интервью, ни соответствие практик других прихожан правилам поведения в церкви, ни даже соответствие чужих биографий представлениям о «праведном образе жизни» не имеет ключевого значения для православных. Они идентифицируют других как «своих», когда видят, что те из года в год посещают одну и ту же церковь и вовлечены в приходскую жизнь:

¹⁴ Информанты (в том числе священнослужители) подчеркивают, что летом приходская жизнь стихает, храм посещает меньшее число даже постоянных прихожан, поскольку много времени люди вынуждены уделять своему хозяйству, огороду и прочему.

К сожалению, люди в храм ходят редко, некоторые из них – очень редко. Но надо было крест поставить, – отец Александр попросил, – так вот все пришли, кому позвонил. Абсолютно никаких отговорок не было, все бросили свои дела, все пришли крест ставить (Прихожанин, 47 лет).

Различая информантов по активности в прицерковной деятельности, я разделила их на старожилов и неофитов. В обеих группах есть те, кто регулярно причащается и посещает церковь, – в этом смысле новички редко уступают старожилам; однако именно длительность «присутствия в церкви» служит значимым критерием для определения места человека в приходской жизни и, соответственно, в общине.

Получается, что быть членом православной общины означает скорее быть «старожилом в церкви», чем просто начитанным, регулярно причащающимся православным человеком. Вероятно, в этом выводе также отражается специфика исследуемого объекта, поскольку, как уже было сказано, изучаемую церковь посещает мало людей, но постоянно.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Скажем, наконец, несколько слов о применимости индикаторов общинного измерения по Глоку и Старку к такому эмпирическому объекту, как православный приход в малом российском городе.

Видимо, ввиду того, что в нашем малом городе всего две действующие приходские церкви, в нем не представлено никаких прорелигиозных (*faith-based*) организаций. Кроме того, ни один из опрошенных не принадлежит к более масштабным, иногородним религиозным объединениям¹⁵ или некоммерческим прорелигиозным организациям. Следовательно, к эмпирическому объекту исследования нельзя применить, по меньшей мере, один из индикаторов общинного измерения религиозности по Глоку и Старку. Однако, на мой взгляд, «активность в прорелигиозных организациях» допустимо заменить «вовлеченностью в социальную деятельность при церкви»: от ее организации и посредничества до периодических пожертвований и готовности к оказанию услуг на благотворительной основе. Важным для анализа «общинности» может оказаться и такой индикатор, как поддержка инициатив, которые развивают другие прихожане или священнослужители.

Что касается второго индикатора – дружбы в среде единоверцев – надо признать, что ограничиться описанием отношений между прихожанами изученного прихода только через понятие «дружба» означает чрезмерно упростить или даже исказить представление о них. Суть отношений между прихожанами составляет и «общее дело» – и поддержание порядка в церкви, и взаимовыручка (оказание услуг и удовлетворение потребностей без привлечения денег), и совместный досуг. Все эти три аспекта – вместе или в отдельности – могут конституировать по-

¹⁵ Здесь я не беру в расчет самих священнослужителей – настоятеля о. Александра и о. Максима.

нятие о дружбе, однако важно понимать, что далеко не обязательно человек, так или иначе вовлеченный в приходскую жизнь, будет называть своими друзьями других прихожан. Тем не менее, это ничуть не обесценивает значение отношений с единоверцами и участия человека в совместной с ними деятельности. Здесь я хочу подчеркнуть, что за понятием дружбы могут скрываться различные смыслы, но взаимоотношения православного человека с единоверцами, согласно моим наблюдениям, состоят из описанных видов взаимодействий и необязательно должны называться «дружбой». В то же время по этим взаимодействиям можно судить о качестве отношений между людьми: как правило, вовлеченность в приходскую жизнь (поддержание организационного порядка внутри церкви, социальная деятельность, неформальные взаимодействия) превращается в то, что в исследованиях религиозности принято называть принадлежностью к общине (см.: Chaves 2004).

Ввиду того, что православие – это доминирующая религиозная традиция России, вопрос о количестве друзей, являющихся приверженцами того же вероучения, не слишком релевантен для российского контекста в целом. По статистике большинство россиян идентифицируют себя с православием, но при этом редко посещают церковь и, как правило, совсем не участвуют в таинствах исповеди и причастия¹⁶ (АРЕНА 2012). Вполне вероятно, что, заявляя о себе как о православных, люди имеют в виду свою культурную принадлежность, а на практике это означает, что вопрос о том, сколько среди ваших друзей православных, может приобретать весьма неоднозначные коннотации в восприятии людей, проживающих в России. Кто-то под православными друзьями будет понимать регулярных прихожан, кто-то – крещеных (в детстве), но не посещающих храм; кто-то – людей, исторически проживающих на территории России и считающих себя русскими (или славянами).

Таким образом, реализованный «разведывательный» исследовательский проект показал, что индикаторы «общинного измерения» религиозности, выделенные Глоком и Старком, не подходят для изучения православия в России, по меньшей мере, в малых городах. Дело в том, что через дружбу в среде единоверцев и активность в религиозных организациях не удается уловить, что в действительности объединяет людей вокруг приходской церкви, и, соответственно, неясным остается, что конституирует православную общинность. Ввиду того, что там не встречаются религиозные организации, индикатор «активность в религиозных организациях» остается нерабочим. Так же и «дружба с единоверцами» – слишком абстрактное понятие, требующее дробления на более конкретные индикаторы.

Мое исследование показало, что православную «общинность» в России сегодня конституирует вовлеченность прихожан и священнослужителей в приходскую жизнь, которую следует понимать через различные виды взаимодейст-

¹⁶ По различным данным, полученным в результате количественных опросов с начала 1990-х годов (Левада-центр, ВЦИОМ), большинство составляет от 50 до 80% тех, кто называет себя православным, а малая часть «практикующих» православных стабильно насчитывает от 3 до 5% опрошенных россиян.

вий. К таковым относятся безвозмездная помощь и дарение, совместная деятельность прихожан (прицерковная или досуговая). Именно по вовлеченности человека в приходскую жизнь, на мой взгляд, можно определить позицию человека в континууме между пассивной религиозностью и принадлежностью к религиозной общине по Глоку и Старку. Замечу, что сам по себе этот континуум представляется вполне адекватным для изучения православных верующих в России¹⁷.

Важно также охарактеризовать и в дальнейшем учитывать факторы, способствующие, на мой взгляд, развитию общинности в приходах именно малых городов: пространственную локализацию, отсутствие альтернативного досуга, низкий уровень доходов и социальную уязвимость (незащищенность). Можно сказать, что приходская община в малом городе конституируется под влиянием этих факторов, предлагая в свою очередь ответ на вызовы суровой окружающей среды. Надо полагать, что социальные производные приходской жизни могут иметь значение и для более широкого круга лиц, то есть для не-прихожан. Однако уточнение сделанных выводов требует продолжения исследовательской работы.

И наконец, еще одно важное замечание. Результаты исследования приходской жизни в малом городе обнаруживают значительную роль священнослужителя в большинстве взаимодействий прихожан, из которых и развиваются их тесные, «общинные» отношения. И поддержание организационного порядка («общее дело»), и социальная деятельность (условно – «пристань добрых дел» – по названию воплощающей ее тетради), и неформальные взаимодействия прихожан стали возможны в этой церкви благодаря священнослужителям: их наставлениям, личной инициативе и одобрениям. Опираясь на другие исследования православия в России (Агаджанян и Русселе 2011), можно предположить, что роль священника оказывается столь значительной для становления общины не только в изученном случае. Это говорит о том, что изучение «общинного измерения» православной религиозности должно учитывать характер взаимоотношений мирян (и конкретного прихожанина) со священнослужителями. Именно здесь полезными оказываются вопросы о духовном наставничестве и типах взаимодействия со священниками: Как часто происходит общение со священнослужителями вне церкви; по личным вопросам? Просит ли священник помочь при церкви; в чем именно?

Эти и подобные вопросы помогут понять, во-первых, насколько близок человек (мирянин) со священнослужителями: есть ли между ними «общинные» отношения, выходящие за рамки формальных и не ограничивающиеся знакомством. Во-вторых, насколько доступны (открыты мирянам) и инициативны (готовы к прицерковной деятельности) священники, играющие, как следует из результатов нашего анализа, ключевую роль в становлении православной общины.

¹⁷ В дальнейшем представляется полезным соотнести этот континуум с диалектикой «ядро – периферия», через которую рассматривают православную общину другие российские социологи (см.: Агаджанян 2011; Забаев и Пруцкова 2012; Забаев и др. 2013; Тарабукина 2000).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаджанян, Александр. 2011. «Приход и община в русском православии: современные процессы в ретроспективе последнего столетия». С. 15–36 в *Приход и община в современном православии*, под ред. Александра Агаджаняна и Кати Русселе. М.: Весь мир.
- Агаджанян, Александр и Кати Русселе, ред. 2011. *Приход и община в современном православии*. М.: Весь мир.
- Алексеева, Марина. 2009. «Воцерковленность как показатель религиозности». *Социологические исследования* 9:97–102.
- Бреская, Ольга. 2011. «Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода». *Социологические исследования* 12:77–87.
- Врублевская, Полина. В печати. «Круговорот детских вещей в приходской церкви: к вопросу о значении дарообмена». *Религиоведческие исследования*.
- Забаев, Иван и Елена Пруцкова. 2012. «Община православного храма: пространственная локализация и факторы формирования (на примере г. Москвы)». *Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия* 3(41):57–67.
- Забаев, Иван, Елена Мелкумян, Иван Павлюткин, Елена Пруцкова и Дарья Орешина. 2013. «Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость. Постановка проблемы». *Демоскоп Weekly* 553. Просмотрено 20 октября 2015 г. (<http://demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit03.php>).
- Пруцкова, Елена. 2010. «Религиозность: способы операционализации и количественной оценки». Исследовательский семинар «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва. Просмотрено 20 октября 2015 г. (<http://socrel.pstgu.ru/RU/publications-2#publ4>).
- Пруцкова, Елена. 2012. «Операционализация понятия “религиозность” в эмпирических исследованиях». *Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом* 2(30):268–293.
- Тарабукина, Арина. 2000. «Фольклор и культура прицерковного круга». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Просмотрено 20 октября 2015 г. (<http://krotov.info/history/20/tarabuk/tar01.html>).
- Тупахина, Ольга. 2012. «Религиозная биография как форма нарративизации жизненного мира верующих (на примере православных христиан)». *Журнал социологии и социальной антропологии* 1(15):185–197.
- Чеснокова, Валентина. 2005. *Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века*. М.: Академический проект.
- Chaves, Mark A. 2004. *Congregations in America*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Faulkner, Joseph E., and Gordon F. De Jong. 1966. “Religiosity in 5-D: An Empirical Analysis.” *Social Forces* 2(45):246–254.
- Fukuyama, Yoshihiro. 1961. “The Major Dimensions of Church Membership.” *Review of Religious Research* 4(2):154–161.
- Glock, Charles Y. 1959. “The Religious Revival in America.” Pp. 25–42 in *Religion and the Face of America*, edited by Jane Zahn. Berkeley: University of California Press.
- Glock, Charles Y., and Robert N. Bellah. 1976. *The New Religious Consciousness*. Berkeley: University of California Press.
- Glock, Charles Y., and Rodney Stark. 1965. *Religion and Society in Tension*. Chicago: Rand McNally.
- Glock, Charles Y., and Rodney Stark. 1968. *American Piety: The Nature of Religious Commitment*. Berkeley: University of California Press.
- Lenski, Gerhard. 1961. *The Religious Factor: A Sociological Study of Religion's Impact on Politics, Economics, and Family Life*. Garden City, NY: Doubleday.
- Roberts, Keith A. 2003. “Implications of One’s Definition of Religion for Conducting for Research: Supplementary Web Materials for Chapter 1,” in *Religion in Sociological Perspective*, 4th edition, by Keith A. Roberts and David Yamane. Cengage Learning. Retrieved October 20, 2015 (http://www.sagepub.com/rsp5e/study/resources/82986_01pe.pdf).

STUDYING A PARISH COMMUNITY IN A SMALL TOWN: THE ROLE OF THE PRIEST AND OTHER ASPECTS OF ORTHODOX COMMUNALITY

Polina Vrublevskaia

Polina Vrublevskaia is a research fellow at St. Tikhon's Orthodox University's scientific laboratory "Sociology of Religion." Address for correspondence: Novokuznetskaia ul., 23B, Moscow, 115184, Russia. pvrublevskaia@gmail.com.

This article is devoted to the everyday life of an Orthodox parish in a small town in Russia. Starting with a critical analysis of existing approaches to measuring religiosity, the author tries to find "communal" dimensions of religiosity, which typify Orthodox Christianity in today's Russia. The text traces the history of the local church since its restoration and analyzes a variety of interactions and the development of relations among Orthodox parishioners, as well as their relations with the priests. Drawing on ethnographic data and interviews, the author identifies indicators suitable for analyzing parish life and what it means to belong to the parish community. The conclusion is that the parish community is formed of extensive and continuous interactions among parishioners that are not limited to religious practices yet still initiated by clergy. It is suggested that the figure of the priest should take a central place when studying Orthodox parish communities. The article also describes how to incorporate these aspects into further investigations of Orthodox Christianity.

Keywords: Religiosity; Orthodox Christianity; Church; Priests; Parish; Religious Community